

УДК 343.352.4

DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-2-227-233

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПЕЦИАЛЬНОГО РЕЦИДИВА ПРИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

КОВАЛЬ Андрей Владимирович*

✉ lawyer13av@mail.ru

Ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам квалификации и уголовно-политической оценки квалифицирующего признака мелкого взяточничества – наличие прежней судимости. Делается вывод о том, что наличие прежней судимости является признаком состава, характеризующим специального субъекта преступления, а по своей правовой природе этот признак соответствует понятию фактического (или криминологического) рецидива и охватывает как собственно рецидив преступлений, как он определен в ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации, так и иные повторные случаи мелкого взяточничества со стороны лица, имеющего судимость за получение взятки, дачу взятки, посредничество во взяточничестве или мелкое взяточничество. Описываются условия квалификации преступления по данному квалифицирующему признаку, вопросы его применения в условиях обратной силы уголовного закона. Формулируются предложения по совершенствованию законодательной регламентации соответствующего квалифицирующего обстоятельства, более широкому его использованию в системе дифференциации ответственности за взяточничество.

Ключевые слова: взятка, рецидив, взяточничество, мелкое взяточничество, судимость, квалифицирующий признак.

Criminal Law Characteristic of Special Relapse of Bribery

Koval Andrei V.**

✉ lawyer13av@mail.ru

6 Volodarskogo st., Tyumen, 625003, Russia

Abstract. The article is devoted to qualification and criminal-political assessment of the qualifying sign of petty bribery – the existence of previous convictions. It is concluded that the presence of the previous conviction is a sign of the composition that characterizes the special subject of the crime, and in its legal nature this sign corresponds to the concept of actual (or criminological) relapse and covers both the actual relapse of crimes as it is defined in art. 18 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as other repeated cases of petty bribery by a person who has a criminal record for taking bribes, giving bribes, mediating bribery or petty bribery. The conditions for the qualification of a crime under this qualifying criterion, the questions of its application in the conditions of the retroactive force of the criminal law are described. Suggestions are made to improve the legislative regulation of the relevant qualifying circumstances, to its wider use in the system of differentiating responsibility for bribery.

Keywords: bribe, relapse, bribery, petty bribery, conviction, qualifying sign.

---

* Аспирант кафедры уголовного права и процесса Тюменского государственного университета.

** Post-graduate student of the Department of Criminal Law and Process at Tyumen State University.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) введено самостоятельное основание уголовной ответственности за мелкое взяточничество (ст. 291.2). Квалифицированным составом мелкого взяточничества является совершение данного преступления лицом, имеющим судимость за совершение этого преступления либо преступлений, предусмотренных ст.ст. 290, 291, 291.1 УК РФ. В пояснительной записке к проекту указанного федерального закона отмечается, что наличие такого квалифицированного состава будет являться превентивной мерой для повторного совершения мелкого взяточничества².

В теории уголовного права данный тип квалифицирующего признака известен под названием «специальный рецидив». «Специальный рецидив, – пишет А. В. Наумов, – предполагает повторное (после осуждения за первое) совершение не любого умышленного преступления, а определенного и, в свою очередь, подразделяется на специальный рецидив тождественных и однородных преступлений» [8, с. 479]. Подавляющее большинство ученых считают, что усиление наказания за повторение умышленных преступлений лицам, имеющим судимости за ранее совершенные умышленные преступления, допустимо как с социально-криминологической, так и с правовой точек зрения [10, с. 142; 6, с. 20; 1, с. 101; 4, с. 287].

Концепция усиления ответственности за рецидив преступлений была подтверждена в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П, в котором высший орган конституционного надзора отметил, что оправданно наличие в качестве квалифицирующих признаков состава преступления «прежней судимости», «неоднократности преступлений» и «совершения преступления лицом, ранее совершившим такое же преступление»,

поскольку они служат основанием для оценки личности преступника как обладающей повышенной общественной опасностью и поэтому предполагают применение к нему более строгих мер уголовной ответственности³.

Примечательно, что в последние годы концепция специального рецидива все чаще стала использоваться законодателем в качестве средства дифференциации уголовной ответственности в статьях Особенной части, о чем свидетельствует включение квалифицирующего признака прошлой судимости в составы половых преступлений (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ), а также транспортных преступлений (ст. 264.1 УК РФ). Таким образом, по словам Р. Д. Шарапова, законодатель, по существу, воссоздал один из видов множественности преступлений – специальный рецидив, который до 2003 г. традиционно и широко использовался в Особенной части отечественного уголовного законодательства как мощное средство дифференциации наказания в зависимости от степени общественной опасности личности преступника [12, с. 10]. В то же время в теории уголовного права присутствует критика вновь предпринятого законодателем подхода [11, с. 40].

Использование для обозначения рассматриваемого квалифицирующего признака взяточничества термина «рецидив» носит исключительно теоретический, условный характер, поскольку в ч. 2 ст. 291.2 УК РФ данный термин не используется. Это означает, что ответственность по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ могут нести также мелкие взяточники, в поведении которых отсутствует рецидив как форма множественности, предусмотренная ст. 18 УК РФ, однако имеется судимость за ранее совершенное взяточничество. В частности, при квалификации содеянного по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ не имеет значения, что имеющаяся у лица судимость в силу ч. 4 ст. 18 УК РФ не учитывается при признании рецидива преступлений (например, когда лицо ранее судимо за дачу взятки, совершенную в несовершеннолетнем возрасте, либо имеется судимость

¹ *Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. II, ст. 4257.*

² *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : пояснит. записка к проекту федер. закона. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

³ *По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 14, ст. 1302.*

за получение или дачу взятки без отягчающих обстоятельств по частям первым ст. 290 или 291 УК РФ, которые предусматривают преступления небольшой тяжести). Данное правило квалификации выработано Пленумом Верховного Суда Российской Федерации по половым преступлениям, составы которых в качестве квалифицирующего признака также предусматривают наличие прежней судимости⁴.

Напротив, если имеющаяся у лица судимость за ранее совершенные им преступления, предусмотренные ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, соответствует условию, при котором повторное мелкое взяточничество в силу ст. 18 УК РФ можно считать рецидивом преступления, учитывать данное обстоятельство в качестве отягчающего наказание по п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ нельзя. В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания. В таком случае содеянное квалифицируется только по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ. Соответствующее правило в очередной раз подтвердил Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П, в котором отмечено, что уголовным законом должна быть исключена возможность двойного учета одного и того же обстоятельства (судимости, совершения преступления лицом, ранее совершившим преступление) одновременно при квалификации содеянного и при определении вида и меры ответственности⁵.

Таким образом, квалифицирующий признак мелкого взяточничества соответствует понятию фактического или криминологического рецидива, известному в теории уголовного права и в криминологии. С юридической точки зрения этим признаком охватываются как собственно рецидив в определении ст. 18 УК РФ, так и иные повторные случаи мелкого взяточничества со стороны лица, имеющего судимость за получение взятки, дачу взятки, посредничество во взяточничестве или мелкое взяточничество.

Наличие прежней судимости является признаком состава, характеризующим специального субъекта преступления. Для квалификации повторного мелкого взяточничества по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ требуется совокупность следующих условий: 1) лицо ранее совершило любое из преступлений, охватываемых понятием взяточничества, т. е. получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве либо мелкое взяточничество; 2) в отношении данного лица имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор с назначением наказания за совершение любого из указанных преступлений; 3) мелкое взяточничество совершено лицом в период до погашения или снятия судимости по данному приговору.

Таким образом, данный квалифицирующий признак отсутствует, если лицо, совершившее мелкое взяточничество, имеет судимость за ранее совершенные преступления, связанные с коммерческим подкупом (ст.ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ), либо если лицо совершило мелкое взяточничество после вступления в силу приговора с освобождением от назначения наказания или его отбывания за ранее совершенное однородное преступление, либо если судимость, образующая специальный рецидив, к моменту совершения повторного преступления была снята или погашена, либо если ранее вынесенный приговор был отменен в установленном законом порядке.

Введение квалифицирующего признака в состав мелкого взяточничества (данный закон вступил в силу 15 июля 2016 г.), который в системе дифференциации ответственности за взяточничество является привилегированным видом составов, сразу же породило вопрос о пределах обратной силы новой уголовно-правовой нормы. Важные разъяснения на этот счет были даны в ответах на вопросы, поступившие из нижестоящих судов, Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. На вопрос о том, подлежат ли пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании ст. 10 УК РФ вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные чч. 1, 3, 4, 5 ст. 290, чч. 1, 3,

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 4 дек. 2014 г. № 16 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2015. № 2.

⁵ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 10 февр. 2017 г. № 2-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4 ст. 291 УК РФ (в редакциях, действовавших до 15 июля 2016 г.), если размер взятки составлял сумму, не превышающую 10 тысяч рублей, высшая судебная инстанция дала утвердительный ответ, указав, что совершенные осужденными преступления подлежат перекалфикации на ч. 1 ст. 291.2 УК РФ. Вместе с тем прямо было разъяснено, что мелкое взяточничество, совершенное *после* 15 июля 2016 г. лицом, имеющим судимость по соответствующим статьям, влечет ответственность по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ⁶.

Таким образом, обратной силой обладает только основной состав мелкого взяточничества, который с точки зрения системы дифференциации ответственности за взяточничество в чистом виде является привилегированным составом, следовательно, улучшающим положение лица, совершившего преступление. Специальный рецидив как квалифицирующий признак мелкого взяточничества обратной силы не имеет, поскольку эта норма ухудшает положение лица, совершившего преступление.

Итак, специальный рецидив преступлений (наличие судимости за взяточничество) использован законодателем в качестве критерия дифференциации ответственности только за мелкое взяточничество. Оценивая такое решение законодателя с точки зрения системы норм и модели дифференциации ответственности за взяточничество, мы приходим к выводу, что, с одной стороны, оно оказалось не до конца реализованным, а с другой стороны, малоэффективным.

Во-первых, в теории уголовного права высказывается небезосновательное опасение, что включение специального рецидива в состав мелкого взяточничества необоснованно, так как этот признак не является характерным для взяточничества, т. е. относительно распространенным. «По данным уголовно-правовых и криминологических исследований, – пишут Н. А. Егорова, А. Г. Егоров, С. А. Гордейчик, – совершение коррупционного преступления лицом, имеющим судимость за какое бы то ни было преступление (не говоря уже о специальном рецидиве), – явление редкое» [3, с. 51; 9, с. 162–164; 5, с. 84, 288]. Во всяком случае, на наш взгляд, маловероятны с практической точки зрения случаи привлечения к уголовной ответственности по ч. 2

ст. 291.2 УК РФ за получение взятки в мелком размере. Такое возможно при условии, что должностное лицо – взяточполучатель имеет судимость за любое из преступлений, образующих взяточничество.

Между тем, в соответствии с законодательством о государственной и муниципальной службе, наличие у лица судимости, тем более за коррупционные преступления, является правопрепятствующим фактом для замещения должностей государственной и муниципальной службы. Аналогичные правовые последствия судимости предусматриваются трудовым законодательством при заключении трудовых договоров по многим другим должностям в государственных и муниципальных учреждениях. Таким образом, очевидно, что на практике уголовную ответственность по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ будут нести, как правило, мелкие взяточполучатели-рецидивисты, тогда как для рецидивистов-взяточполучателей актуальность такого квалифицирующего признака в качестве средства дифференциации ответственности сомнительна.

Во-вторых, законодатель оказался непоследовательным в использовании признака специального рецидива в качестве критерия дифференциации ответственности за дачу взятки. Соответствующий квалифицирующий признак в составе мелкого взяточничества не был включен в ст. 291 УК РФ, предусматривающую ответственность за дачу взятки в размере, превышающем 10 тысяч рублей. В литературе такое решение законодателя уже подвергалось критике на стадии его законопроекта. Например, А. П. Алексеева и А. С. Иванов пишут: «На наш взгляд, наличие таких квалифицированных составов будет являться очередным «перекосяком» уголовной ответственности. Получается, что в составах преступлений «мелкий коммерческий подкуп» и «мелкое взяточничество» присутствует квалифицирующий признак, предусматривающий повышенную ответственность за совершение *менее тяжкого преступления* (мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество), после того как человек уже был ранее осужден за совершение *более тяжких преступлений* (коммерческий подкуп, получе-

⁶ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ–326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 28 сент. 2016 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ние взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве). Притом в статьях 204, 290, 291 и 291.1 аналогичный «превентивный» квалифицирующий признак отсутствует. Полагаем, все должно быть с точностью до наоборот» [2, с. 95].

Разделяя данную критику, добавим, что такое законодательное решение не только неэффективно с точки зрения уголовно-правового предупреждения дачи взятки как самой рецидивоопасной формы взяточничества. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в последние годы число лиц, осужденных за дачу взятки, почти в два раза превышает число лиц, осужденных за получение взятки⁷. Критикуемое решение законодателя создает дисбаланс в системе дифференциации уголовной ответственности за взяточничество, наказуемости за него. Так, за дачу взятки в мелком размере при наличии судимости за ранее совершенное взяточничество предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, в то время как дача взятки в незначительном размере (свыше 10, но не более 25 тыс. рублей), несмотря на имеющуюся у виновного судимость за преступления, предусмотренные ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, наказуема лишением свободы на срок до двух лет (ч. 1 ст. 291 УК РФ). Разумеется, дача взятки в мелком размере является менее общественно опасным деянием по сравнению с дачей взятки в большем (незначительном, значительном и т. п.) размере. Однако получается, что для мелкого взяткодателя-рецидивиста предусмотрено более строгое уголовное наказание, нежели для взяткодателя-рецидивиста, совершившего преступление в большем размере. Безусловно, напрашивается вывод о необходимости включения в ст. 291 УК РФ квалифицирующего признака в виде специального рецидива.

В-третьих, специальный рецидив не предусмотрен в качестве критерия дифференциации ответственности за посредничество во взяточничестве. Между тем посредничество во взяточничестве, в силу того что оно совершается общим субъектом, как и дача взятки, относится к наиболее рецидивоопасным формам взяточничества. Не случайно в УК РСФСР 1960 г. квалифицирующим при-

знаком посредничества во взяточничестве было наличие у виновного прежней судимости за взяточничество (ст. 174.1). Эту традицию сохраняет законодатель Республики Беларусь, который учитывает признак «лицо, ранее судимое за взяточничество» не только в составе посредничества во взяточничестве, но также в составах дачи и получения взятки (ст.ст. 430–432)⁸. Посредничество во взяточничестве имеет схожую криминологическую характеристику с дачей взятки. Более того, обладая общей правовой природой с дачей взятки, имея производный от этого преступления характер, посредничество во взяточничестве обрело свойства самостоятельной формы взяточничества, превратилось в отдельный сегмент коррупционного бизнеса с присущими ему признаками организованности, возможностью наживы вне зависимости от окончания преступной деятельности других участников взяточничества [7, с. 3–4]. Это свидетельствует о том, что посредничество во взяточничестве относится к сегменту профессиональной преступности, специальным уголовно-правовым средством предупреждения которой, как широко считается в криминологической и уголовно-правовой литературе, является институт рецидива и специального рецидива в частности. Таким образом, имеются теоретические предпосылки для включения квалифицирующего признака специального рецидива в ст. 291.1 УК РФ.

В-четвертых, квалифицирующий признак специального рецидива в составе мелкого взяточничества образует судимость только за преступления, охватываемые понятием взяточничества. Наличие у лица, совершившего мелкое взяточничество, судимости за коммерческий подкуп, в том числе мелкий, или за посредничество в коммерческом подкупе исключает квалификацию содеянного по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ. Равно как и аналогичный квалифицирующий признак в составе мелкого коммерческого подкупа (ч. 2 ст. 204.2 УК РФ) исчерпывается наличием у виновного судимости исключительно за преступления, связанные с коммерческим подкупом (ст.ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ). Вряд ли такой подход законодателя соответствует концептуальной идее специального рецидива, предполагающего усиление уголовной ответ-

⁷ Судебный департамент при Верхов. Суде Рос. Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150&item=3420>

⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 442–444.

ственности ранее судимого лица в случае совершения им повторно преступления, не только тождественного с ранее совершенным преступлением, но и однородного посягательства.

Взяточничество и преступления, связанные с коммерческим подкупом, несмотря на формальное закрепление их в различных главах Особенной части УК РФ и отличия в видовых и непосредственных объектах, являются однородными преступными посягательствами, имеющими общую правовую природу, обусловленную тем, что и та и другая группа посягательств относятся к коррупции. Данные преступления характеризуются одинаковым механизмом преступного посягательства, вследствие чего имеют тождественные признаки составов преступлений и отличаются друг от друга по субъекту и объекту преступления. Однако данные отличия носят внешний, формальный характер и в реальной жизни, как с точки зрения правоохранительных органов, так и с позиции самих виновных, не влияют на оценку данных групп преступлений как коррупционных. Скажем, субъекты коммерческого подкупа, особенно лица, передающие предмет коммерческого подкупа, достаточно часто допускают юридическую ошибку в оценке своих противоправных действий, считая их взяточничеством. Нередко такого рода ошибки встречаются и в практике расследования преступлений коррупционной направленности, когда, особенно на этапе выявления преступления и на стадии возбуждения уголовного дела, органы расследования квалифицируют содеянное как взяточничество, в то время как в действительности противоправные действия лиц соответствуют признакам преступлений, связанных с коммерческим подкупом.

Также одним из доводов в пользу того, что взяточничество и коммерческий подкуп являются однородными преступлениями, является то обстоятельство, что в науке уголовного права все чаще высказывается мнение о том, что весомых оснований для разделения данных групп преступлений по различным главам Особенной части УК РФ нет и что давно назрела необходимость унифицировать должностные преступления и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях если не в рамках единых составов преступлений, то хотя бы в рамках одной главы Особенной части УК РФ.

Полагаем, что приведенных доводов достаточно для вывода о том, что законодателю следует шире использовать квалифицирующий признак специального рецидива в качестве средства дифференциации ответственности за взяточничество, прежде всего за дачу взятки и посредничество во взяточничестве. В целях наиболее полной реализации концепции специального рецидива редакция соответствующего квалифицирующего обстоятельства должна быть следующего типа: «те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2 настоящего Кодекса». Данный квалифицирующий признак следует включить в особо квалифицированный состав дачи взятки, предусмотренный ч. 4 ст. 291 УК РФ, а также в особо квалифицированный состав посредничества во взяточничестве, предусмотренный ч. 3 ст. 291.1 УК РФ. Подлежит реконструкции по указанному образцу квалифицирующий признак мелкого взяточничества в ч. 2 ст. 291.2 УК РФ.

Список литературы

1. Алексеев А. И., Журавлев М. П. К вопросу о совершенствовании законодательства о борьбе с рецидивом преступлений // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 101–104.
2. Алексеева А. П., Иванов А. С. Обзор изменений в антикоррупционном законодательстве // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 91–96.
3. Егорова Н. А., Егоров А. Г., Гордейчик С. А. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства // Законность. 2017. № 1. С. 51–56.
4. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика : моногр. М. : Проспект, 2014. 352 с.
5. Икрянникова А. С. Соучастие в коррупционном преступлении: опыт криминологического исследования : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016. 290 с.
6. Кузнецова Н. Ф. Профилактическая функция уголовного закона // Уголовное право. 1998. № 1. С. 11–20.
7. Моисеенко М. И. Посредничество во взяточничестве: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 26 с.
8. Наумов А. В. Российское уголовное право: Общая часть : курс лекций : в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2007. Т. 1. 736 с.
9. Подгрушный М. А. Борьба со взяточничеством как коррупционным преступлением в современной России: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2014. 238 с.

10. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении : избр. лекции. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрлитинформ, 2010. 276 с.
11. Сипягина М. Н. Июльская (2016 г.) реконструкция уголовного закона и ее значение для института множественности преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы пятнадцатой междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2017. № 15. Ч. 2. С. 40–41.
12. Шарапов Р. Д. Уголовно-правовые инновации российского законодателя: критический взгляд (продолжение дискуссии) // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск : Ом. юрид. ин-т, 2012. С. 3–13.

References

1. Alekseev A. I., Zhuravlev M. P. K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva o bor'be s retsidivom prestuplenii [On the Issue of Improving Legislation to Combat the Recidivism of Crimes]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2001, no. 6, pp. 101–104.
2. Alekseeva A. P., Ivanov A. S. Obzor izmenenii v antikorrupsionnom zakonodatel'stve [Overview of Changes in Anti-Corruption Legislation]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 3, pp. 91–96.
3. Egorova N. A., Egorov A. G., Gordeychik S. A. Antikorrupsionnye novelly ugovolnogo zakonodatel'stva [Anti-Corruption Novels of the Criminal Law]. *Zakonnost' – Legality*, 2017, no. 1, pp. 51–56.
4. Ivanchin A. V. *Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika* [The Construction of the Crime: Theory and Practice]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 352 p.
5. Ikryanikova A. S. *Souchastie v korruptsionnom prestuplenii: opyt kriminologicheskogo issledovaniya*. Dis. kand. yurid. nauk [Participation in a Corruption Crime: the Experience of Criminological Research. Cand. Legal Sci. Dis.]. Volgograd, 2016. 290 p.
6. Kuznetsova N. F. *Profilakticheskaya funktsiya ugovolnogo zakona* [Preventive Function of Criminal Law]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*, 1998, no. 1, pp. 11–20.
7. Moiseenko M. I. *Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: ugovolno-pravovaya kharakteristika i voprosy kvalifikatsii*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Mediation in Bribery: Criminal-Legal Description and Qualification Issues. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Ekaterinburg, 2015. 26 p.
8. Naumov A. V. *Rossiiskoe ugovolnoe pravo: Obshchaya chast'. T. 1* [The Criminal Law of Russia. A Common Part. Vol. 1]. 4th ed. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2007. 736 c. 2007. 736 c.
9. Podgrushnyi M. A. *Bor'ba so vzyatochnichestvom kak korruptsionnym prestupleniem v sovremennoi Rossii: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie aspekty*. Dis. kand. yurid. nauk [Combating Bribery as a Corruption Crime in Modern Russia: Criminal Law and Criminological Aspects. Cand. Legal Sci. Dis.]. Cheboksary, 2014. 238 p.
10. Pudovochkin Yu. E. *Uchenie o prestuplenii* [The Doctrine of Crime]. 2nd ed. Moscow, YurLitinform, 2010. 276 p.
11. Sipyagina M. N. *Iyul'skaya (2016 g.) rekonstruktsiya ugovolnogo zakona i ee znachenie dlya instituta mnozhestvennosti prestuplenii* [The July (2016) Reconstruction of the Criminal Law and its Significance for the Institution of a Multiplicity of Crimes]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami – Actual Problems of Combating Crimes and Other Offenses*. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2017, no. 15, pt. 2, pp. 40–41.
12. Sharapov R. D. *Ugolovno-pravovye innovatsii rossiiskogo zakonodatelya: kriticheskii vzglyad (prodolzhenie diskussii)* [Criminally-Legal Innovations of the Russian Legislator: Critical View (Continuation of Discussion)]. *Aktual'nye problemy ugovolnoi i ugovolno-protsessual'noi politiki Rossiiskoi Federatsii – Actual Problems of Criminal and Criminal-Procedural Policy of the Russian Federation*. Omsk, Omsk Law Institute Publ., 2012, pp. 3–13.